

БРОШЮРА М. М. СПЕРАНСКОГО
«О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ»

19 ноября 1822 г. граф Аракчеев отправил Александру I от своего имени и имени М. М. Сперанского доклад, в котором писал, что, согласно желанию императора, работа над составлением проекта «Учреждения для военных поселений» ведется им, Аракчевым, Сперанским и начальником Штаба военных поселений.

Они предполагают рассматривать отдельные части проекта по мере их готовности, после чего посылать на утверждение императору.¹ В тот же день Аракчеев в частном письме Сперанскому

³⁴ Там же, стр. 184.

³⁵ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.—Л., 1946, стр. 280—298, 611—628; т. II, М., 1958, стр. 551—566.

¹ ГПБ, ф. 731, д. 116. Выписки из копий всеподданнейшего доклада Аракчеева и Сперанского. Копия сделана Старцевым. Назначение Сперанского 24 января 1823 г. членом Комитета о проекте Учреждения для военных поселений занесено в его послужной список (ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 29, д. 5935, л. 7).

писал: «Из личных моих объяснений Вам давно уже известна воля государя императора, чтобы мы вместе занялись сим приятным его величеству делом (военными поселениями, — А. П.). Почему и счел я должным приступить к оному».²

По должности члена комитета для составления общих положений проекта о военных поселениях Сперанский начал работу над проектом. Не сохранилось следов участия в ней других членов комитета. Вероятнее всего, они к ней и не приступали, справедливо рассудив, что коль скоро членом комитета назначен Сперанский, то никто лучше его не справится с задачей изложить самую суть вопроса о военных поселениях. 3 апреля 1824 г. Сперанский написал Аракчеву письмо, в котором извещал его об окончании работы над проектом. В письме было сказано, что Сперанский посылает только «первое начертание» «Введения к учреждению военных поселений». Он называет его первым потому, что оно, вероятно, потребует изменений и исправлений, когда будет рассмотрено Аракчевым.³

Проект Сперанского, получивший окончательное название «О военных поселениях», вышел из печати в виде брошюры в 1825 г. На титульном листе обозначено: «Печатано в типографии Штаба военных поселений. Санктпетербург. 1825». Этим обозначением ограничиваются все выходные данные. Цензурного разрешения нет. Имя автора отсутствует. Но принадлежность брошюры Сперанскому бесспорна. О Сперанском, как об авторе ее, говорят М. А. Корф⁴ и Н. Богословский, редактор Новгородского сборника,⁵ в котором она была перепечатана. Ни тот, ни другой не привели никаких доказательств в пользу этой атрибуции. Но в Архиве Сперанского в ГПБ (д. 115) имеется автограф Сперанского с его многочисленными вставками и исправлениями, представляющий собой черновой набросок брошюры; он озаглавлен: «Введение к учреждению о военных поселениях». Таким образом, всякие сомнения в принадлежности ее Сперанскому отпадают.

Изучение вопросов, связанных с напечатанием брошюры Сперанского, сталкивает исследователя с одним важным документом, хотя и не во всем ясным по своему назначению.

Среди опубликованных записок Александра Аракчеву привлекает внимание одна, датированная 25 февраля 1825 г. Полный текст ее таков: «1. Причины, побудившие правительство приступить к установлению военных поселений. 2. Пользы, которые правительство старалось соединить в сем установлении. 3. Правила,

² ГПБ, ф. 731, д. 2015 (Письма Аракчева Сперанскому), лл. 30—31.

³ Н. Ф. Дубровин. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883, стр. 382.

⁴ М. А. Корф. Жизнь графа Сперанского, т. 2. СПб., 1861, стр. 281—282.

⁵ Новгородский сборник. Вып. 1. Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1865, отд. II, стр. 1.

на которых сие установление учреждено. 4. Выгоды, предоставляемые поселянам взамен обращения их в военную службу».⁶

Вряд ли можно сомневаться, что эта записка — план какого-то сочинения о военных поселениях. Сравнение ее с текстом брошюры Сперанского наводит на мысль о связи между брошюрой и запиской. Хотя письмо Сперанского Аракчееву об окончании сочинения о военных поселениях написано почти на год раньше записки Александра, содержание обоих документов настолько совпадает, что можно с уверенностью говорить о какой-то степени соавторства Сперанского и Александра. Изложение и отбор материала принадлежат, по-видимому, только Сперанскому: в этом убеждает не только черновой автограф Сперанского, но и анализ стиля. Сочинение написано рукою Сперанского: так ясно, точно, лаконично, геометрически стройно в России в первой половине XIX в., кроме Сперанского, из государственных деятелей не писал никто.

Какова была цель издания брошюры Сперанского? Если справедливо предположение об участии Александра в ее создании, то Сперанский просто выполнял просьбу или приказание царя. Что же касается соображений, руководивших Александром, когда он заказывал Сперанскому брошюру, то по этому поводу можно сказать следующее.

Брошюра написана в столь апологетическом тоне, что не может возникнуть сомнения в пропагандистских целях, преследовавшихся императором. Брошюра была напечатана в малом количестве экземпляров, о чем свидетельствует Корф в своей биографии Сперанского.⁷ Несоответствие пропагандистского характера брошюры ограниченному ее тиражу может быть объяснено тем, что Александр хотел приобрести союзников в деле реализации идеи военных поселений отнюдь не в широких кругах, а только среди руководящих деятелей армии и гражданского управления. А для людей этой категории незначительного тиража брошюры было вполне достаточно.

Сперанский начинает свою брошюру с тезиса о непригодности рекрутчины. Она распространяется только на часть населения, так как люди, не подлежащие сдаче в рекруты, остаются вне военной службы. Рекрутчина отрывает рабочие руки от производительного труда, заставляет государство тратить громадные деньги на содержание армии. Рекрутчина разлучает солдата с семьей и тем самым сеет в нем нелюбовь к военной службе.

Чтобы ликвидировать зло рекрутчины, надо заменить ее военными поселениями. Это потребует значительных усилий. Нужна неколебимая твердость в проведении столь важной реформы, ну-

⁶ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. т. 2. СПб., 1912, стр. 653—654.

⁷ [М. А. Корф]. Жизнь графа Сперанского, т. 2, стр. 282.

жен «твердый, ничем несовратимый взор на будущее, взор, непрерывно устремленный на важные государственные пользы».⁸

Это высказывание похоже на предупреждение, исходящее от человека, который предвидит будущее. Призывы Сперанского к твердости в деле ликвидации рекрутчины наводят на мысль, что он имел в виду угрозу крестьянских волнений, когда говорил о выгодах военных поселений. Это предположение приобретает тем большую обоснованность, что рекрутчина, по словам Сперанского, встречает в народе дружную ненависть. Правительство, уничтожив рекрутчину, уничтожит тем самым источник народного недовольства.

Далее Сперанский в сжатой форме излагает основы устройства военных поселений. Эти основы он извлек из отдельных положений, правил, инструкций, указов, распоряжений и других правительственных актов, в изобилии появившихся ко времени прихода Сперанского к управлению военными поселениями. Он извлек из великого множества отдельных распоряжений, касавшихся военных поселений, только то, что заключало в себе их основу. До появления брошюры Сперанского такой сводной работы не существовало. Она явилась первым и, заметим попутно, последним опытом изложения принципиальных основ устройства военных поселений.

В жизни военных поселений, как утверждает Сперанский, нужно различать два периода. В первом жители всего поселения делятся на две не смешивающиеся одна с другой категории: коренных жителей казенных сел и деревень, отведенных под военные поселения, и солдат тех воинских частей, которые переселялись в эти села и деревни из мест их постоянного расквартирования. Во втором периоде эти две категории смешиваются, и создается единое войско поселенное (длительность каждого периода не определяется Сперанским даже приблизительно).

Это не значит, что во втором периоде жизни военных поселений перестают существовать всякие различия среди военных поселян. Старые различия исчезают, но возникают новые, и при этом весьма существенные. В едином войске поселенном все входящие в него лица только юридически равны, реальное же неравенство остается.

Жители военного поселения во втором периоде разделяются на две части: «неподвижную» и «подвижную». В первую входят все, кто ни в мирное, ни в военное время не покидает своего постоянного места жительства, ко второй относятся участвующие в военных походах. Первая состоит из так называемых хозяев (ниже будет разъяснено значение этого термина), детей всех военных поселян (они получали название кантонистов), инвалидов,

⁸ О военных поселениях, стр. 11—12.

лиц старше 45 лет, членов семей тех поселян, которые участвуют в походах.

Наибольшее внимание привлекает к себе категория хозяев, входящая в «неподвижную» часть поселян; ей и в брошюре Сперанского отведено больше места, чем другим категориям. Этим словом обозначены коренные жители поселения (старожилы). Еще тогда, когда коренные жители составляют отдельную и самостоятельную категорию поселян, заботы поселенных властей устремлены на улучшение материального положения хозяев: нуждающиеся получают добавочные земельные участки, старые и увечные переходят на казенное обеспечение, все поселяне освобождаются от всяких оброков, податей и повинностей, собственность их сохраняется в неприкосновенности.

В дальнейшем, когда развитие военного поселения вступает во второй период, положение хозяев еще более укрепляется, и они становятся явно привилегированной частью военных поселян. Им, как написано в брошюре, вверяется земельный участок со всем живым и мертвым инвентарем. Они берут на себя заботу о продовольствии семей солдат, ушедших в поход. Они «приготавливают на службу людей, кои к ней поступят». В чем заключается эта подготовка, брошюра не сообщает. Хозяйство (т. е. имущество хозяина) переходит от одного хозяина к другому по наследству и «по особенным постановлениям, в Учреждении подробно изображенным» (этот пункт не разъяснен).

Что касается людей, составляющих «подвижную» часть населения, то им в брошюре места отведено немного. Они с их семьями распределяются между хозяевами, участвуют в сельскохозяйственных работах и пользуются «произведением общих их трудов».

Во втором периоде существования военного поселения, когда процесс его конструирования закончен, административной единицей становится полковой округ, т. е. территория, на которой расположен полк. В каждом полковом округе имеются следующие общие для всего округа материальные ценности и учреждения: хозяйственные заведения (в брошюре не приведено ни одного примера), заемный денежный капитал, предназначенный для расширения хозяйственной деятельности поселян, артельные деньги, принадлежащие подвижной части населения, запасный хлебный магазин, хозяйственные и служебные помещения, почта и пути сообщения, школа, больница, инвалидный дом.

Подводя итоги всему сказанному о военных поселениях, Сперанский еще раз кратко перечисляет выгоды их по сравнению с рекрутчиной и делает общий вывод, написанный, в отличие от холодной деловитости тона всей брошюры, даже с некоторым пафосом. «В военных поселениях, — пишет он, — имущества частных лиц могут быть неравные — трудолюбие и промышленность будут всегда и везде иметь свои права и преимущества. Но соединением всех средств, выше сего изложенных, в военных поседе-

ниях не может и не должно быть ни сирот бесприютных, ни старости беспомощной, ни дряхлости оставленной, ни нищеты праздной, ни разврата нравов, терпимого без средств исправления».⁹

Суждения Сперанского о военных поселениях и изложенный им фактический материал о них дают основание говорить о некоторых принципах, лежавших в основе самого учреждения военных поселений, и, видимо, сознававшихся инициаторами поселений — Александром, Аракчеевым и Сперанским.

При учреждении военных поселений не предполагалось создавать какую-либо новую форму казарм, хотя бы и вовсе непохожую на существующие. Брошюра Сперанского говорит об этом совершенно ясно. Военным поселянам предполагалось предоставить полную свободу хозяйственной деятельности, невысказанную при казарменном режиме. Государство брало на себя обеспечение прожиточного минимума для нетрудоспособных и трудоспособных поселян. Возможность перехода поселян из подвижной части в неподвижную, т. е. возможность достижения зажиточности или даже богатства, ставилась целиком в зависимость от личных качеств поселянина. В числе этих «личных качеств» не была забыта и возможность эксплуатации одних поселян другими. Эта возможность обеспечивалась самой структурой военного поселения.

Структура утверждала разделение поселян на две группы, находившиеся в неравном экономическом и социальном положении — хозяев и всех других. Хозяева являлись руководителями и организаторами экономической жизни поселения. Им «вверялся» земельный участок с рабочим и домашним скотом, сельскохозяйственными орудиями, домашней утварью и хлебными запасами. Хозяйство, т. е. все перечисленное, кроме земельного участка, переходило от одного хозяина к другому либо по наследству, либо на основании особых распоряжений.

Таким образом, хозяева в поселении являлись распорядителями материальных ценностей поселения. Право наследования делало их фактическими собственниками движимого имущества.

Лица, входившие в подвижную часть поселения, «распределяются в хозяйствах с их семействами». Распределение поселян, принадлежащих к подвижной части, ставило их в зависимость от хозяев и позволяло хозяевам эксплуатировать подвижную часть.

Некоторые вопросы, касающиеся военных поселений и имеющие прямую связь с тем, что изложено в брошюре Сперанского, либо вовсе не освещены, либо только намечены. Сперанский не затронул вопроса о принципах отнесения поселян к подвижной или неподвижной частям. В брошюре нет никаких намеков на обстоятельство, при которых возможен переход из одной группы в другую. А что такой переход совершался, и притом довольно часто, в этом не может быть сомнения.

⁹ Там же, стр. 28.

Не отвечает Сперанский на вопрос, по каким постановлениям, кроме наследования, хозяева получают в собственность принадлежащее им имущество.

Указанные вопросы неизбежно возникают при изучении брошюры Сперанского. Трудно представить себе, что они не вставляли перед Сперанским, человеком с последовательной системой мышления, обладавшим искусством доводить мысль до ее логического предела. Но по каким-то соображениям он обошел их в брошюре молчанием. Очевидно, материал для ответа на эти вопросы находится вне брошюры Сперанского.

К каким же выводам приводит изучение вопроса об отношении Сперанского к военным поселениям? Они могут быть выражены в следующих положениях.

Сперанский ни словом не упомянул о тех серьезнейших препятствиях, какие стояли на пути реализации намерения Александра и которые внесли бы много новых штрихов в нарисованную Сперанским картину. Его сочинение не было отражением реальной действительности. Он писал не о том, что было, а о том, что могло бы быть. Он рисовал картину идеального военного поселения.

Мышление Сперанского всегда было несколько схематичным. Он предпочитал построение логических конструкций реалистическому анализу тех условий, в которых родились и жили исследуемые им явления. Он не замечал тех тысяч людей, которые были засечены за протест против чудовищной регламентации, установленной в военных поселениях Аракчеевым и Александром. В поле его зрения не попали те многочисленные поселяне, которые не только не благоденствовали, а попросту нищенствовали. Показать все это Сперанский и не стремился. Он старался раскрыть только ту идею, которая лежала в основе задуманной императором реформы, и указать на тенденции, определяющие ее — не реформы, а идеи — развитие.

Причины, вызвавшие появление военных поселений, не могут быть сведены к какой-нибудь одной. Они были многообразны. Но вряд ли можно сомневаться в том, что среди этого комплекса причин существовала ведущая. Думается, что она раскрыта брошюрой Сперанского. Если принять во внимание внутреннюю и международную обстановку, сложившуюся в России во втором десятилетии XIX в., и лихорадочную деятельность правительства по подготовке разнообразных социально-политических реформ (до нас дошло не менее пятнадцати проектов по крестьянскому вопросу, возникших в правительственных кругах между 1816 и 1824 гг.¹⁰), то становится ясным, что задуманная реформа стоит в одном ряду со всеми другими.

¹⁰ А. В. Предтеченский. Очерки общественной политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957, стр. 339—358.

С самого возникновения военных поселений основная забота Александра и Аракчеева была направлена на зажиточную часть крестьянства. В этом убеждают те мероприятия по отношению к хозяевам, которые укрепляли их материальное положение (казенное обеспечение, добавочные земельные участки и т. д.). В результате реализации этих мероприятий в военных поселениях уже создавалась группа поселян, находившихся в лучших, по сравнению с другими, материальных условиях. В дальнейшем материальное положение этой группы продолжало бы улучшаться. Этому способствовали бы ссуды из заемного денежного капитала, выдававшиеся для расширения хозяйственной деятельности поселян. Что в данном случае имелась в виду именно зажиточная часть поселян, явствует из замечания Сперанского по поводу всегдашних прав и преимуществ «трудолюбия и промышленности». Предоставление полной свободы экономической деятельности хозяевам, неприкосновенность их личной собственности, право распоряжаться собственностью поселения и, что едва ли не самое важное, право эксплуатировать подвижную часть поселян — все это позволяло бы хозяевам значительно преумножать свое имущество и тем самым влекло бы за собой все более резкую дифференциацию поселян.

Эта дифференциация могла, естественно, происходить только при обеспечении свободы экономической деятельности хозяев. И если бы такая свобода действительно существовала, то имелись бы все основания ожидать ускорения буржуазной эволюции аграрных отношений в стране. Часть поселян превратилась бы в свободных собственников. Таким мог быть путь хотя бы к частичному разрешению крестьянского вопроса. Эта возможность не являлась для Александра неожиданной и нежелательной.

Но все дело заключалось в том, что реально существовавший в поселениях крепостнический режим с подробно разработанной регламентацией (о нем Сперанский не проронил ни слова) находился в непримиримом противоречии с идеей свободы экономической деятельности хозяев. На пути буржуазной эволюции военных поселений стоял созданный Александром и Аракчеевым режим, заковывавший жизнь военных поселений в цепи бесчисленных и скрупулезно-мелочных постановлений. Это обрекло военные поселения на провал, постигший их еще в царствование Александра. Воля царя искусственно поддерживала в них жизнь. После его смерти они начали быстро приходить в упадок и в 1831 г. были ликвидированы почти без остатка.